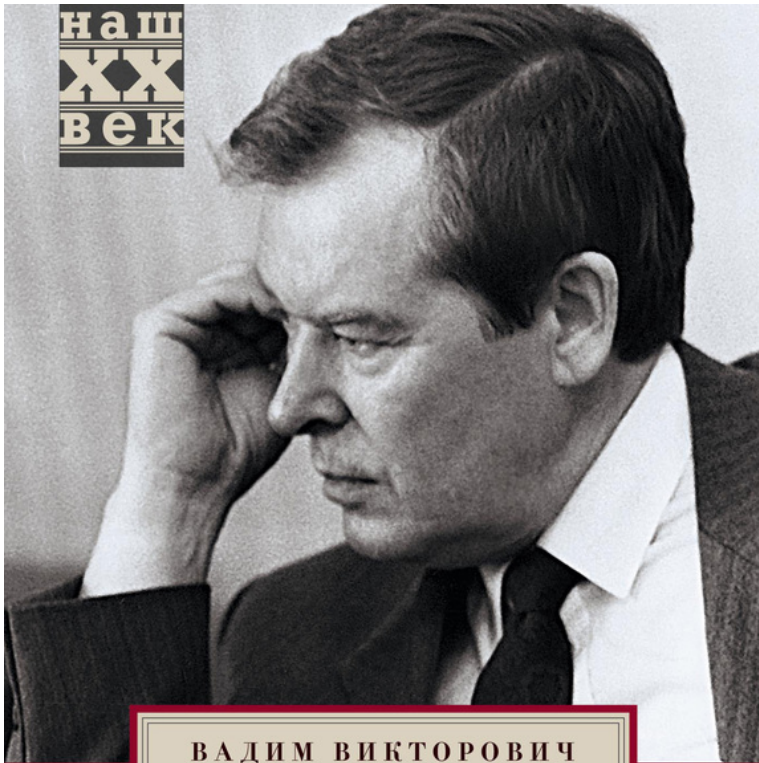

наш
XX
век

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ

БАКАТИН

ДОРОГА В ПРОШЕДШЕМ
ВРЕМЕНИ

Вадим Викторович Бакатин
Дорога в прошедшем времени
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9756230
Дорога в прошедшем времени / Вадим Бакатин.: Центрполиграф;
Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05726-6

Аннотация

Книга В.В. Бакатина была написана в конце 90-х годов. Многое изменилось с тех пор, и автор внимательно переработал и дополнил текст, учитывая реалии нынешнего времени. Но многие события, участником и свидетелем которых он был, изменить невозможно. И тем интереснее их оценка государственным деятелем и честным благородным человеком. Эта книга займет достойное место в ряду очень немногочисленной литературы о нашем недавнем прошлом.

Содержание

Предисловие издателя	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	35
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вадим Викторович Бакатин

Дорога в прошедшем времени

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

Издательство благодарит за помощь в издании книги Д.В.
Бакатина

Предисловие издателя

Историческую память в наши дни можно, увы, вполне уподобить старческой: долговременная еще работает, картины далекого прошлого даже становятся ярче, а вот с кратковременной большая беда: никак не вспомнить, что произошло, даже очень важное, совсем недавно. И вправду, у нас в целом ясны представления, скажем, о войне 1812 года, о николаевской России, о революции 1917 года, образы и события сталинского времени буквально напедают на нас...

А вот о горбачевской эпохе и далее о ельцинской, о времени гайдаровских реформ, грандиозных фокусах приватизации воспоминания уже как-то смутны и неопределенны.

Травма, полученная страной в конце 80-х и в 90-х, привела к ретроградной амнезии. Чтобы не повторять ошибок, надо восстановить именно кратковременную память. Нужно, как в психоанализе, вновь пройти в памяти ситуацию этой травмы, четко структурировать саму ситуацию... В том числе и в школьных учебниках, которые тоже страдают ретроградной амнезией.

Однако это задача будущего. А сейчас мы предлагаем вниманию читателей не учебник, не монографию, а второе, переработанное и дополненное автором, издание книги Вадима Викторовича Бакатина «Дорога в прошедшем времени», вышедшей в 1999 году.

В истории нашей страны Бакатин сыграл роль драматическую. Он стоял у руля двух силовых структур в то время, когда страна трещала по швам, и тогда, когда с СССР было покончено. В целом оба кресла Бакатин занимал два с половиной года.

Система терпела его недолго. Он слишком отличался от политиков той поры: интеллигентный, умный, сдержанный. В тот момент он был жестким, но при этом хрупким, как стекло. В отличие от шедшего напролом Ельцина, сильного, но гибкого, как резиновый шланг.

Ельцин стал президентом, а Бакатина «ушли» при первой же возможности. Правда, не его первого. В истории таких примеров более чем достаточно. Но история ведь никогда ничему и никого не учит.

Бакатин попал в номенклатурную обойму еще при советской власти. И плавно завершил свою политическую карьеру в безвременье – в паузе между гибелью СССР и началом нового, непонятного периода новейшей истории России.

М.С. Горбачеву на посту министра внутренних дел нужен был не милиционер, а политик. Тогдашний президент понимал то, что не все понимают сегодня: одна милиция с преступностью никогда не справится. С ней должны бороться и государство, и общество.

Однако и убрал Бакатина из МВД Горбачев. Как назначил, так и снял. Ведь не только сегодня в России, но и раньше в Союзе интриги, нашептывания, кампании в СМИ имели

большое значение в «кадровой работе».

Так называемые патриоты часто пеняют Бакатину, что он-де развалил КГБ, по словам академика Сахарова, не самую коррумпированную в тот момент структуру. Якобы в итоге нескольких месяцев его работы по очистке «авгиевых конюшен» из органов были выброшены профессионалы. А те, кто уцелел, когда пришло время, занялись «приватизацией» конспиративных квартир.

Однако сверхзадача Бакатина состояла в том, чтобы избавиться от КГБ как «щита и меча» партии, как от партийной охраны партийного государства, но сохранить и реформировать спецслужбы как таковые, приспособив их к условиям нового нетоталитарного государства. РСФСР никогда не имела своего КГБ, нужно было его создавать на базе союзного, но так, чтобы сохранить структуры, выполняющие основные функции. Система не заработала только потому, что кому-то мешал Горбачев, и ради этого решили покончить с Союзом.

Эта книга не исповедь. Автор честно и непредвзято высказал свое мнение о многих событиях, участником или свидетелем которых был. Не нам его судить. Совершенно ясно, что автор умеет держать удар и признавать свои ошибки.

Часть первая

Дорога

Глава 1

Год 1937

Сохраните только память о нас, и мы ничего не потеряем, уйдя из жизни.

Д.Г. Уитьер

ПОДПСКА

1920 года, апреля, 23 дня.

Я, нижеподписавшийся Александр Петров Бакатин, обязуюсь без разрешения Отделения Томской Уездной ЧК Анжеро-Судженского района с Анжерских копей никуда не отлучаться, в чем и подписуюсь.

Александр Бакатин

В этом тексте чувствуется достоинство. А если бы вы видели, каким энергичным почерком уверенного в себе человека написано это обязательство, как он нажимал на прописные и жестко заканчивал слова, вы бы согласились с моим предположением. Писал сильный, знающий себе цену чело-

век. Именно таким представляю моего деда по отцу Александра Петровича Бакатина. Это он 23 апреля 1920 года давал ЧК подписку о невыезде с Анжерских копей.

С фотографии 1916 года доброжелательно и открыто смотрит молодой мужчина. У него правильный овал лица, волевой подбородок, высокий, переходящий в лысину лоб. Закрученные усы делают его похожим на циркового борца Ивана Поддубного. Сходство усиливают мощная грудь и крутые плечи. Офицерский мундир сидит на нем явно неважно. Тесен мундир. Руки спокойно и тяжело лежат на коленях. Шашка рядом с ними кажется игрушечной. Юная красивая женщина стоит рядом, и весь ее вид говорит о том, что она умиротворена, она счастлива, она как за каменной стеной. Так и есть на самом деле. Говорят, Александр обладал редкой физической силой, для него не составляло труда пальцами согнуть пятак.

Дед мой Александр Петрович Бакатин родился 10 апреля 1885 года в селе Булакихинское Томского уезда Западно-Сибирского края. Его отец, Петр Константинович, выходец из обер-офицерской семьи, работал в полиции города Бийска. Занимал достаточно высокие должности. Не случайно, наверное, его сын Александр приказом томского губернатора в 1904 году в возрасте 19 лет был определен в штат Бийского уездного полицейского управления.

Революция 1905 года подтолкнула его по карьерной лест-

нице. Губернатор назначает юношу полицейским надзирателем города Бийска. Конечно, в Московском университете он не учился, эту «легенду во спасение» придумала моя бедная бабушка. А учился он в Казанском пехотном юнкерском училище, из которого в 1909 году был неожиданно отчислен за «дурное» (!) поведение и направлен в пехотный Бобруйский полк в город Царицын. Без права выезда.

В 1910 году отец Александра Петровича умер. Материальные трудности вынудили его мать Людмилу Васильевну переехать в Мариинск – пятнадцатитысячный уездный город на Транссибирской магистрали, к родственнику, занимавшему по тем временам солидный пост уездного инспектора школ и училищ. Он определил Александра учителем в старое сибирское село Тисуль в четырехклассную школу.

В 70-80-х годах прошлого века мне приходилось много раз бывать и в Мариинске, и в Тисуле. Это были заброшенные, обветшалые центры, как тогда говорили, «бесперспективных» районов. О славе золотодобычи мариинской тайги здесь почти забыли, но с бесперспективностью соглашаться не хотели. Я осуществлял «партийное руководство» капитальным строительством, о котором сейчас едва ли кто знает, занимался созданием базы строительной индустрии, наезжая из Кемерова и в дождь, и в снег, и зимой, и летом. Это была будничная работа. Проводил я ее по всему Кузнецкому угольному бассейну. Но поездки в Мариинск, Ти-

суль да еще Анжеро-Судженск как-то по-особому были желанны. Как будто кто-то тянул меня к себе, посвящая в тайну, о которой я никому не рассказывал. Происходило странное возвращение в прошлое, туда, где быть не мог, но тем не менее необъяснимым образом попадал в смутно вспоминаемые, как будто давно знакомые места. Время бежало назад, как телеграфные столбы вдоль дорог, по которым мчалась обкомовская «Волга».

Старые пузатые купеческие дома, островки каменной мостовой, забелевшей вдруг из-под разбитого асфальта, черные от времени рубленые избы тисульских старателей, прижелезнодорожная бетонная водонапорная башня хранили вселенскую тайну. Помнили все и всех. Они видели моего деда. Кажется, и я, бредущий туманным осенним утром по тисульским деревянным тротуарам, общался с ним, а в какие-то то наплывающие, то исчезающие мгновения чуть ли не сам становился им. Эти чувства не объяснить. Здесь нет мистики. Это было. Каждый из нас, неповторимый сам по себе, повторяет в чем-то своих предков, вбирает в себя прошлые поколения. А если еще тебя не покидает мысль о несправедливо и рано ушедшем из жизни деде, то, наверное, не столь уж удивительно, что эти странные ощущения и чувства посещали меня. То ли я возвращался в Тисуль 1910 года к своему деду, то ли дед являлся из прошлого в советский райцентр...

Еще раз скажу, что я далек от мистики, вызывания и общения с духами предков. Над этим можно только посмеять-

ся. Но такая необъяснимая тяга к этим местам, любимым уголкам Западной Сибири стала для меня понятной и объяснимой, когда я узнал, что здесь по берегам реки Томи по крайней мере с середины XVII века жила довольно многочисленная семья моих предков Бакатиных.

Эти старые дома, ворота, заборы и улицы, эта черная горная тайга, это большое колдовское озеро с тех пор не изменились. Они объединили нас, вызывая одно и то же чувство, чувство родины, чувство любви и грусти.

14 мая 1892 года в Вятской губернии на Воткинском заводе в семье купца Никиты Андреевича Шляева родилась девочка, которую называли Юлей и которая станет матерью моего отца, моей бабушкой.

В 1900 году в восьмилетнем возрасте она одна уехала в Сарапул, где училась вначале в прогимназии, а затем в гимназии.

В 1904 году Никита Андреевич Шляев умер тридцати лет от роду. Мать Юли, Татьяна Алексеевна, осталась без средств к существованию. Вскоре она вышла замуж, продала дом и уехала искать счастья в Сибирь. Сибирь огромна, но совершенно случайно они остановились в Мариинске.

Юлия продолжала учиться в Сарапуле. Она была красивой и серьезной девушкой. Эталоны женственности со временем слегка меняются. В начале XX века русскую красавицу нельзя было представить без длинных волос, собранных

в косу. Бабушка вспоминает, что была второй в гимназии по длине косы, до колен и толщиной в руку. Ее красота и коса не остались незамеченными. В последнем классе появился жених. Студент. Они нравились друг другу и договорились пожениться.

В 1910 году Юлия, окончив гимназию, должна была съездить к матери и вернуться в Сарапул к жениху. Но получилось так, что по приезде в Мариинск она заболела. Причиной явилось частое переохлаждение. Всю зиму в Сарапуле она ходила на каток и модничала, катаясь в короткой бархатной юбочке. Болела очень тяжело. Был период – думала, не выздоровеет. Написала письмо жениху, что не вернется и освобождает его от слова.

Она поправилась и знакомым уже нам инспектором школ и училищ была направлена учительницей в ту же школу, где только что появился Александр.

Юлия Никитична рассказывала мне, что хорошо помнит, как они с Антониной (так звали ее подружку) первый раз пришли в школу. Бревенчатое длинное одноэтажное здание. Огромный, заросший мягкой травой двор, посередине которого на свежеструганном столбе установлено колесо «гигантских шагов». Встретили их два молодых человека – учитель Александр и директор школы Прокопий. К вечеру все четверо уже крутились на «гигантских шагах».

Ей исполнилось 18 лет. Она учила старшеклассников. Не все слушались молоденькую учительницу. Через коридор на-

против – класс Александра. Они стали держать двери открытыми, и, когда возникала необходимость, Александр заходил и наводил порядок. Его не могли ослушаться.

Зимой они поженились. Венчались в церкви между Тисулем и Тяжином. Прокопий уступил им директорскую квартиру при школе. 23 декабря 1911 года родился их первенец. Назвали его Виктором. Он станет моим отцом.

Цепь случайностей, которая привела к рождению сына, оборвалась, а жизнь Александра и Юлии продолжалась. Через год у них родилась дочь. В 1913 году семья переехала в Анжеро-Судженск. Работали учителями в железнодорожной школе. Это был самый обеспеченный период жизни. Два учителя вместе получали более ста золотых рублей. Жили в трех комнатах в казенном бараке, имели право бесплатно проезда по железной дороге. Школа имела свой вагон (!). Часто ездили в Томск. Ни в чем себе не отказывали. Главное же, учителей уважали. Александр Петрович пользовался большим авторитетом на Анжерских копиях. По крайней мере, за ним прибегали, когда надо было погасить какой-нибудь конфликт, усмирить подгулявшую компанию или хулиганов. Ему это удавалось.

То было счастливое время для молодой учительской семьи. Но едва ли они могли предполагать, что их ждет в ближайшем будущем, какие испытания приготовила им судьба. Трагедия миллионов и миллионов людей в том, что они бес-

сильны что-либо изменить, на что-то повлиять, предотвратить. Все свершается помимо их воли, желания. Никто людей, как говорят, «простых людей» не спрашивает. Этих «никто» или «некто», властолюбивых политиков, ограниченных борцов за идею хватало всегда. Они именем одураченного народа творят революции, войны, шоковые терапии и прочие издевательства и насилия над людьми. Народу предоставлена роль статиста. А каждому в отдельности роль «винтика», пешки, щепки. Человеческое Я растворяется, нивелируется, усредняется, и все вместе несутся в бездну в водовороте «исторических» событий.

Счастливая жизнь закончилась с началом Первой мировой войны.

В январе 1915 года Александр Бакагин был призван в армию. Служил в Ново-Николаевске в 22-м Сибирском полку начальником подразделения хозчасти. В то смутное время разложения самодержавия, политизации интеллигенции, увлечения демократией и теориями социальной справедливости он был далек от политики. После Октябрьской революции в конце декабря 1917 года был уволен со службы по декрету и вернулся домой.

Это была уже совсем другая жизнь. Жизнь в условиях революционного хаоса и Гражданской войны, да еще на Транссибирской магистрали – главной артерии большевистского, казачьего и прочего насилия и беззакония. Его возвращение совпало с установлением советской власти на Судженских

копях. Как писали партийные историки¹, «...Советам досталось тяжелое наследство. Немногочисленные предприятия в результате саботажа предпринимателей владели жалкое существование. Рабочие голодали. Катастрофический размах приобрела безработица. Обострился жилищный кризис. Не хватало средств для развития народного образования...». Судя по тому, что нам теперь известно, этих средств никогда уже больше не будет хватать. Золотое время для учителя завершилось вместе с крушением монархии. Но кто тогда мог об этом знать! Малограмотные люди с энтузиазмом, а некоторые по принуждению до основания разрушали мир своей прежней жизни. Начиналась Гражданская война.

В мае 1918 года растянувшиеся чуть ли не по всей Транссибирской магистрали пятьдесят тысяч чехословацких военнопленных подняли мятеж против советской власти. Начался он в знакомом нам Мариинске и моментально охватил весь Транссиб, всю Сибирь. Весьма зыбкая митинговая советская власть была свергнута, но не сдалась. Рабочие под руководством большевиков сопротивлялись. Крестьянская беднота под водительством пришлых комиссаров сбивалась в партизанские отряды, в составе которых было немало уголовников и анархистов. Насилие и беспредел, подогреваемые голодом и самогоном, были повсюду.

Контрреволюционное, эсерово-меньшевистское временное

¹ Здесь и далее я буду ссылаться на исследования, которые проводились в Кузбассе под руководством доктора исторических наук З.Г. Карпенко.

сибирское правительство призывает офицера А.П. Бакатина в Сибирскую армию и назначает начальником гарнизона Анжерских копей.

Как свидетельствуют историки, первым значительным выступлением рабочих против режима «демократической» контрреволюции была политическая забастовка на Судженских копиях в июле 1918 года. Комиссар сибирского правительства на копиях товарищ Дзепо докладывал: «Аресты не провожу, необходимо выдержать спокойствие». Очевидец описывает одно из рабочих собраний того времени: «Настроение собрания было бурное. Речь комиссара Дзепо прерывалась криками: «Зачем ты арестовываешь людей, в школе пулемет поставил, завел белую гвардию?!» «Белой гвардией», а точнее, дружиной по охране шахт и электростанции, только не на Судженке, а на Анжерке, командовал мой дед.

Министр внутренних дел сибирского правительства Крутовский в телеграмме комиссару Судженских копей приказал принять «экстренные меры... серьезного и решительного характера, опираясь на посланный в Ваше распоряжение отряд...».

Историк В.А. Кодейкин пишет: «На Судженские копи прибыл отряд белочехов со станции Тайга. Утром 9 июля начались новые аресты рабочих. Собрался митинг шахтеров. Решили начать забастовку.

Судженских шахтеров поддержали на Анжерских копиях... Собрался многолюдный митинг. Эсер Литвинов пы-

тался доказывать, что забастовка недопустима, так как она может остановить работу железной дороги. Но его стащили с трибуны... После митинга около пятисот рабочих с красными флагами направились на Судженские копи. Вечером 10 июля состоялся объединенный митинг шахтеров Судженки и Анжерки. Он был разогнан отрядом белочехов, которые открыли стрельбу по безоружным людям. Многие были ранены... К счастью, никто не убит. Но все равно, в советской историографии справедливо считается, что эсэро-меньшевистские правители потопили забастовку в крови».

Вот что пишет в своих дневниках один из видных военных чинов колчаковского правительства барон А. Будберг: «...никакие успехи на фронте нам не помогут, если местные агенты власти в тылу будут вести себя так, чтобы вызывать ненависть местного населения». Дед не вызывал ненависти своих земляков. Он не разгонял мирные митинги, спасал от расстрелов, освобождал незаконно задержанных. Он знал своих соседей по барачной колонии. Человеческая жизнь для него была бесценна. Это не осталось незамеченным. В конце 1918 года телеграммой председателя правительства Михайлова он был освобожден от должности, затребован в Томск, арестован и предан суду «за умышленное бездействие».

Он не занимался политикой. Не состоял в партиях. Бабушка рассказывала мне, что после Февральской революции дед высмеивал бурно вспыхнувшую моду на красные банты.

Это, конечно, ничего не доказывает. Не любил банты, значит, монархист? Может быть. Но скорее всего, он был настоящим русским офицером.

В томской тюрьме дед провел четыре месяца. По решению суда в мае 1919 года был назначен младшим офицером в 11-ю роту 5-го Сибирского полка и отправлен в действующую армию на Пермский фронт, где в это время разворачивалось мощное наступление «красных».

Тот же А. Будберг так характеризует части, сформированные в то время в Томске: «Для этих спазматических формирований не было ни кадров, ни учителей, ни снаряжения; они только обманывали верхи своим наличием и своей численностью, они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было». Наверное, А. Будберг прав. Силы там было немного, но там было много реальных живых людей, очень быстро бессмысленно расстававшихся с жизнью...

Деду повезло. Он был только ранен и эвакуирован в Ново-Николаевск.

Разложение Белого движения нарастало. Армии потеряли способность даже сопротивляться. Никто никому не подчинялся. Авантюризм выскочек, анархия и атаманина сделали свое черное дело. Белая армия начала откатываться назад.

А. Будберг пишет: «...сейчас большинство не желает воевать, не желает обороняться и пассивно уходит на восток, думая только о том, чтобы не нагнали красные; этот отступа-

ющий поток увлекает за собой немногие сохранившие порядок и боеспособность части и отдельных с непоколебленным духом солдат и офицеров...» В этом потоке шел или ехал в вагоне, а может быть, на телеге и мой дед, назначенный начальником хозяйственной части команды выздоравливающих. Как он прошел Анжерку, не знаю. Наверняка была тяжелая встреча с семьей, но он не остался, был еще верен долгу, как он его понимал, и пошел со всеми дальше на восток.

Однако, видимо, уже в Красноярске осознал перспективы этого отступления, которое могло закончиться только бегством от родины в эмиграцию. Он решил остаться и возвратиться домой.

Мне кажется, он хорошо представлял прием, который окажут ему большевики. Но все-таки не мог бежать, бросив Родину, жену, детей, сознательно предпочел эмиграции если не мученическую смерть, то уж мученическую жизнь точно.

Вот что записано в протоколе допроса арестованного: «При эвакуации отступающих белых войск я отстал в г. Красноярске 4 января 1920 г. В тот же день случился переворот, и я остался в городе. Был потом арестован как белый офицер...»

Вот такой круг от ареста белыми до ареста красными. Круг мытарств, совершенно независимый от его воли, противный его убеждениям.

Сергей Есенин признавался: «...с того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий...» Мне кажется, я не

ошибусь, предположив, что и дед не понимал происходящего. Мерзость революционного безумия со всех сторон. Дед не допускал и не принимал глумления и бессмысленного насилия над кем бы то ни было. Но он ничего не мог изменить.

То было страшное время. Когда вернулись красные, Александра Петровича разыскивали. В квартире произвели обыск. Все перевернули вверх дном. Даже пух из перин выпустили. Бабушка спрятала на чердаке дома семейные документы, фотографии и золотые рубли. Их не нашли. Но потом все сгорело.

Мой отец, уже незадолго до своей смерти, по моей просьбе написал несколько страничек воспоминаний об Александре Петровиче. Приведу из них дословно небольшую выдержку: «Отца может характеризовать следующее мое воспоминание: во время колчаковщины дома (в Анжерке) отец смазывал (или протирал) револьвер, мне было лет семь, я его спросил, много ли раз он стрелял из этого револьвера в красных. Он мне ответил, что ни разу не стрелял, что красные такие же русские люди и стрелять в них нельзя».

Удивительно, что тогда, в 1920 году, в этом хаосе, подобие судопроизводства все-таки существовало. Даже в ЧК. Это факт. Схваченный в Красноярске белый офицер А.П. Бакатин не был расстрелян без суда и следствия. С ним стали разбираться.

Приведу известные мне документы. На один из них я не могу смотреть без волнения. Вырванный из школьной тет-

радки листок в линейчку исписан ученическим четким почерком моей бабушки. Она, конечно, страшно волновалась. Об этом свидетельствуют исправления, зачеркивания, вставки. Я не анализирую ошибки. Я благодарю судьбу за то, что могу через этот ветхий тетрадный листок соприкоснуться с маленьким кусочком давно ушедшей жизни моей любимой бабушки. Как мне кажется, могу понять ее чувства, и хотя уже знаю, чем все это кончится, вновь пережить вместе с ней отчаяние и надежду.

*В Революционный Комитет
Судженско-Анжерского района.*

...Мы, нижеподписавшиеся, просим освободить арестованного Александра Бакатина и ручаемся, что никакой агитации против Советской власти с его стороны не последует и что, до разбора его дела, он будет проживать на Анжерских копиях, колон. № 1, барак № 5, кв. 2.

Другой документ (дается в орфографии и пунктуации оригинала).

*В Чрезвычайную
следственную комиссию
Анжеро Суджинского района.
Заявление Члена Р.К.П. (Большевик)
Павла Копылова.*

По приезде моего на Анжерскую копь с 9 Всероссийского съезда Р.К.П. я узнал от своей жены, что бывший учитель школы Анжерской копи А.П. Бакатин содержится под следствием, и обвинение против него то что он разгонял митинг на копи Мехелъсона силой оружия своей дружины, если только это обвинение, то смею удостоверить что обвинения эти неправильны. Митинг был разогнан и расстрелян отрядом чехов, вызван комиссаром Ивановым Андрияном, дружина же въ это время была расставлена Бакатиным на посты на Анжерке, где и сам находился Бакатин, и за то что он допустил митинг на Анжерке которые перешел на Мехелъсон Бакатин был смещен (Министром) Михайловым телеграммой Выше изложенное удостоверяем жена моя Екатерина тоже присутствовала на митинге и сам лично

Павел Копылов.

Анжерская копь кол. № 6 бар 88 кв 1

(апрель, дата неразборчива)

Спасибо тебе, дорогой большевик Павел Копылов! Наверное, это ты, честный человек, спас моего деда.

Отец мой вспоминает, что в Красноярск ездила делегация рабочих хлопотать за бывшего учителя Анжерских копей. По-видимому, тогда и появилась эта «подписка», с которой я начинал рассказ о своем деде. Однако подписка эта не была реализована, на ней по диагонали размашисто и нераз-

борчиво кто-то наложил резолюцию:

«Арестованного.....в Томск».

Подпись. Дата 13.6.20.

Дед был переведен в Томскую тюрьму. Приведу несколько выдержек из протокола допроса обвиняемого.

– Бакатин Александр Петрович, 35 лет.

– Место жительства: «Анжеро-Судженские копи, колония № 1, барак 5».

На вопрос: «Бывшее сословие» – написано и зачеркнуто: «Мещанин» – и сверху написано: «Из крестьян».

Профессия – «учитель».

Образование – «среднее».

Семейное состояние – «Женат. Жена Юлия Никитична, мать – 70 лет, дети 8 лет сын, 6 лет девочка».

Имущественное состояние – «никакого».

Средства к существованию – «служба».

И далее: «В расстреле рабочих на Анжерских копиях 1918 года я себя виновным не признаю. Напротив, за все время службы я не сделал ни одного обыска или ареста. Допускал собрания и митинги, рискуя собственной жизнью, за что был предан суду. При мне часто устраивались митинги под видом делегатских собраний и под видом заседаний в зданиях. 10 июля был митинг, который на Анжерских копиях прошел спокойно. На Судженских копиях, несмотря на мои просьбы,

был разогнан чешским отрядом и местными дружинниками.

Вскоре после переворота чехами было арестовано 20 человек рабочих. Но по моей просьбе комиссариат послал делегацию на станцию с просьбой о передаче их в мое распоряжение. Все были в тот же день мною освобождены...

...Больше ничего не знаю.

Прочитал. Со слов моих записано верно. *А. Бакатин*».

Состоялся суд. Не знаю за что, но он получил два года принудительных работ и вернулся в Анжерку.

На этот раз все закончилось относительно благополучно.

Однако учить детей новая власть А. Бакатину не разрешила. Трудился счетоводом, вычислителем в маркшейдерском бюро шахты, бухгалтером.

В 1929 году переехали в Томск. Александр Петрович работал бухгалтером на элеваторе, Юлия Никитична преподавала. Дети вскоре поступили в Томский технологический институт. Жили в светлой квартире двухэтажного обшито́го тесом дома с высокими, украшенными резьбой окнами. Об этом периоде мало что известно. Тихая жизнь. У деда была лодка, и он летом часто рыбачил. В 1934 году Александра Петровича неожиданно призвали на переподготовку среднего состава, где за отличное прохождение сборов премировали малокалиберной винтовкой (ТОЗ). Он и здесь, в Томске, не оставил своего увлечения. Ходил на охоту, подолгу оставаясь в тайге. Мне кажется, он просто убегал, прятался от действительности, оставаясь один на один с природой.

В стране тем временем происходили бурные события. Сокрушительным разгромам подвергались старые троцкистско-меньшевистские и новые меньшевистско-троцкистские оппозиции. Были провозглашены сталинские курсы на коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию страны, принимались и досрочно выполнялись первые пятилетние планы.

В апреле 1929 года XVI партконференция призывает к чистке партии и борьбе с бюрократическими извращениями государственного аппарата как одной из важнейших форм классовой борьбы. Бухгалтера А. Бакатина, конечно, выгнали со службы. Думаю, что переезд в Томск в какой-то мере был связан с этим. 1929 год, год великого перелома в стране, стал годом смены места жительства, поиска новой работы. Не думаю, что семья жила слишком спокойно, полагая, что от всех революционных вихрей социалистического строительства ее убережет крыша дома на Коммунистическом проспекте в Томске. Они боялись эту власть, боялись чекистов. У них были для этого основания. Но они не сопротивлялись, приспосабливались и жили как все, по установленным правилам. Бабушка была прекрасным педагогом, регулярно получала грамоты и звания «ударника очередного года пятилетки, строителя социализма, активно проявившего себя в социалистическом соревновании по повышению производительности труда». Образцы этих грамот, выпуска-

емых миллионными тиражами, оформленных в лаконичном современном стиле «Окон РОСТА» с лозунгами типа «СССР – ударная бригада международного пролетариата», бережно хранились вместе с документами, редкими фотографиями, семейными реликвиями.

Они честно занимались своим делом и таким образом вместе со всей страной «строили социализм», ни в малейшей степени не являясь врагами советской власти.

Только один раз они предприняли какие-то действия, оказали пассивное сопротивление. Дочь Эмилия прервала учебу в институте и была отправлена в Москву к знакомым. Это было паническое бегство от настойчивого предложения стать осведомителем НКВД.

Не сомневаюсь, что мои дедушка и бабушка знакомились из газет (в характеристике преподавателя НСШ № 10 Бакатиной Юлии Никитичны прямо записано: «систематически читает газеты») с историческими решениями XVII съезда ВКП(б), прошедшего в начале 1934 года. Знаю, что жили они тревожно, но не могу утверждать, что уже тогда почувствовали какую-то опасность в резолюции съезда, где **«окончательная ликвидация капиталистических элементов**, полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, преодоление пережитков капитализма в экономике и **сознании людей** выдвигались в качестве основной **политической задачи** новой пя-

тилетки...».

27 июля 1937 года в Западной Сибири была хорошая, теплая погода. Пятидесятидвухлетний, почти совершенно лысый, с жесткими подстриженными щеточкой усами, физически крепкий мужчина встал до рассвета, взял рыбацкие снасти и потихоньку пустыми улицами спустился к реке. Конечно, он и предположить не мог, что последний раз видит красавицу Томь, наслаждается тишиной и прохладой раннего утра. Клев, наверное, был неплохим, потому что вернулся он довольно скоро. Оставил улов на кухне и опять прилег досыпать. Бабушке в этот день нужно было пойти в школу. Утром, перед уходом, пожарила Александру Петровичу на сковородке карасей. Он еще спал.

Вернулась она в пустой дом. На кухонном столе стояла едва начатая сковородка с пожаренной утром рыбой. Засохший кусок хлеба и вилка лежали рядом на клеенчатой скатерти.

Она рассказывала мне, что ее почему-то сразу объял страх. Этот брошенный завтрак, казалось, был знаком какой-то непоправимой, огромной беды. Удивительно, но с тех пор, всю свою оставшуюся жизнь, она не могла не то что есть – смотреть на жареную рыбу.

Мужа ее Александра Петровича нигде не было. Соседи сказали, что утром его увезли. Бабушка, наверное, все поняла. Но она хотела знать, что с ним будет, где его найти, как

увидеть, что можно передать. Куда она ни обращалась, нигде ей ничего не сказали, кроме того, что он враг народа и что революционная власть поступит с ним в соответствии с советским законодательством.

Двадцать восемь лет в семье не знали, жив он или нет. Ни на какие запросы никто не отвечал. И только в сентябре 1965 года отец получил из военного трибунала Сибирского военного округа справку № 93–61/523 ж.

Дело по обвинению Бакатина Александра Петровича, 1885 года рождения, работавшего бухгалтером отделения «Заготзерно» в городе Томске, пересмотрено военным трибуналом Сибирского военного округа 19 мая 1961 года.

Постановление от 27 августа 1937 года в отношении Бакатина А.П. отменено, дело производством прекращено. Бакатин Александр Петрович по настоящему делу полностью реабилитирован, посмертно.

Подпись, печать.

Может быть, лучше ничего не знать, как ничего не знали мои родные. Они так и умерли, ничего не ведая про то, что пережил после 27 июля 1937 года их муж и отец. Они могли только догадываться, и, наверное, они здесь не одиноки. Близкие люди очень многих несправедливо пострадали в годы сталинских репрессий, и до сих пор очень мало кому удалось узнать всю правду. Мне это удалось, только вос-

пользовавшись служебным положением в то время, когда я был большим начальником. Рассказывать об этом надо, но это трудно, поскольку я просто не могу найти слов, способных выразить чувства, которые испытал, когда держал в руках дело моего несчастного деда. Дело № 12310 по статье 58 п. 2, 10, 11 начато 27 июля 1937 года, окончено 20 августа. Строго говоря, и делом-то его назвать нельзя. Серенькая тоненькая папочка, в которой подшиты несколько довольно небрежно исписанных листочков. Донос. Анкета арестованного. Протокол допроса и решение «тройки». Все.

Дело 1920 года, о котором рассказано выше, выглядело куда солидней. Приложены масса документов, свидетельские показания, даже вещественные доказательства. Не думаю, чтобы система деградировала в бумаготворчестве. Знаю, что и нынешние некоторые наследники ЧК в состоянии из ничего трудолюбиво раздуть в «нужном» направлении многотомное дело. В 1937 году ЧК просто очень спешила. Требовалось за короткое время расстрелять много народа и отрапортовать. Под эту кампанию террора советской власти над советскими людьми и попал с миллионами других граждан СССР мой многострадальный дед.

Итак, был донос. В нем сообщалось, что долг патриота советской власти обязывает нижеподписавшегося сообщить органам, что бывший белый офицер А.П. Бакатин, работающий на Томском элеваторе бухгалтером, на самом деле явля-

ется японским и французским шпионом, активным участником созданной Волконским и Эскиным по заданию зарубежной белогвардейщины кадетско-монархической повстанческой организации, в которую завербован в 1936 году Нестеровым, завербовал в нее Покровского и обязался в момент вооруженного восстания отравить хлеб и поджечь элеватор (какая «фантазия» – и отравить, и сжечь одновременно).

Фамилию, имя, отчество подписавшего я не привожу. Во-первых, писал все это не он. Все сочиняла сама ЧК. У меня нет ни малейшего желания сводить с кем бы то ни было счёты. И не думаю, чтобы дед Александр этого хотел.

Анкета арестованного (форма № 5) заполнена крайне неразборчиво, неполно и небрежно. Как будто писали чернилами по влажной бумаге. Многое просто расплылось. Наверное, в тот день было жарко, и у сотрудника, допрашивающего Александра Петровича, сильно потели руки.

– Известные нам личные данные, адрес, место работы, должность, социальное положение, служба в царской армии и чин.

– Служба в Красной армии – «нет».

– Политическое прошлое – «нет».

– Имущественное положение в момент ареста. Предлагается перечислить все движимое и недвижимое. Ответ – «нет».

– Национальность и гражданство – «русский, СССР».

– Партийная принадлежность, с какого времени и № парт-

билета – «б/п».

– Состоял ли под судом и следствием – «1920 г. (далее неразборчиво) задержан Томским ГубЧека».

– Состояние здоровья – (неразборчиво) «...сердце».

– Четкая подпись арестованного – А. Бакатин.

– Кем и когда арестован – «27.7.37. Том 20 НКВД».

– Подпись сотрудника, заполнявшего анкету, и дата – та же 27.7.37.

Люди спешили. Пока бабушка металась по городу, искала мужа, его уже допрашивал разомлевший от жары и, судя по тому, как он не дописывал окончания слов, еле водя ручкой по влажной бумаге, видимо, сильно уставший сотрудник.

Потом были пытки и допрос. Вопросы точно повторяли положения доноса. Ответы обвиняемого точно повторяли в утвердительной форме текст вопроса. В ужас приходишь от этой наглой «гармонии правосудия».

Все выглядело примерно так.

Вопрос: «Вы признаете, что являетесь агентом японской разведки?»

Ответ: «Да, я признаю, что являюсь агентом японской разведки».

Вопрос: «Вы признаете, что являетесь участником кадетско-монархической повстанческой организации, созданной Волконским и Эскиным?»

Ответ: «Да, я признаю, что являюсь участником кадетско-монархической повстанческой организации, созданной

Волконским и Эскиным» и так далее и тому подобное.

На каждой странице внизу подпись допрашиваемого. Подпись была. Наверное, это была его подпись. Но это был не его почерк, четкий каллиграфический почерк уверенного в себе человека. Мой сильный дед не устоял перед чекистами. Он был сломлен. Абсолютно безвольной, дрожащей, неслушающейся рукой сходящая на нет подпись «Бакат...».

Вот и все. Последний документ на четвертушке бумаги: «Постановление тройки управления НКВД Западно-Сибирского края. Бакатина Александра Петровича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества». Статья не указана. По одним данным, приговор приведен в исполнение 27 августа 1937 года, по другим – 8 сентября. Какая разница?

Конечно, и сейчас, по прошествии нескольких лет, после того как я об этом узнал, тяжело об этом писать. Но ни с чем не могу сравнить чувство острой жалости к моему несчастному деду в те минуты, когда я впервые держал в руках и читал эти ветхие, пожелтевшие листки, молчаливые, бесстрастные свидетели и свидетельства его финальных дней и часов. Его подпись на последнем листке допроса, проведенного сотрудниками тупой и слепой машины в руках большевистских приспособленцев к безжалостному сталинскому курсу.

Все эти годы меня не покидает одно абсолютно неосуществимое желание. Я пытаюсь понять, хочу узнать, догадаться, о чем он думал в те летние дни и ночи 1937 года. Что он

хотел сказать мне? Он ведь знал, что скоро у него будет внук.

Конечно, и в самом кошмарном сне, в бреду ему не могла прийти в голову дикая мысль, что его внук через полвека возглавит НКВД – КГБ, ведомство его палачей и мучителей, и будет читать его так называемое дело. Если бы он хоть на йоту допускал такую возможность, наверное, оставил бы мне какой-то знак на последней странице последнего, в цепи многих в его жизни, допроса.

Что бы он мне сказал? О чем он думал? Этого я никогда не узнаю. Но я уверен, что он не завещал мне мстить. Это было не в его правилах. «Красные такие же люди, сынок».

Можно ли его упрекать за то, что не пошел до конца с «белыми», за то, что не стал «красным»?

Наши деды сделали то, что смогли. Они смогли погибнуть. Много это или мало? Как считать? Чем измерить? Их детям и внукам досталась жизнь. Жизнь строителей коммунизма. Это тоже немало. Никогда и никому в человеческой истории не удастся повторить то, что случилось в России в XX веке. Мы со своими отцами и дедами были свидетелями и участниками уникальных лет и событий.

Глава 2

Социалистическое детство

Дети пьяны постоянно – пьяны жизнью.
П. Ж. Туле

Через тридцать дней после того, как душа Александра Петровича Бакатина покинула эту землю, у него родился внук. Произошло это накануне двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – 6 ноября 1937 года. Примерно в то же время, как свидетельствуют документы КПСС, в стране появился социализм. Был в основном построен. Таким образом, наше с социализмом детство началось и проходило в одно и то же время. Оно казалось мне счастливым. По крайней мере, в то далекое время, сколько себя помню, я, воинствующий безбожник, часто возносил неведомо кому какое-то подобие молитв. Благодарил за то, что повезло, что родился не в ужасной прогнившей царской России и не в буржуйской жестокой Америке, где дети страдают в нищете, работая день и ночь, а в нашем прекрасном СССР, где в Кремле постоянно думает обо мне дорогой товарищ Сталин. Хорошо помню, как в этих детских благодарностях, обращенных к подушке, я хотел жить со своими родителями очень долго, но не хотел, чтобы Сталин умер раньше меня.

Несколько позже в моих отношениях к И.В. Сталину появились другие чувства. Отроческий критицизм и недоверие. Возникли они как реакция на слащавые рапорты «Дорогому Иосифу Виссарионовичу...» о постоянно случавшихся в то время трудовых подвигах. Мои насмешливые декламации рапортов сталеваров, колхозниц, рыбаков всегда немедленно пресекались бабушкой с непонятной мне серьезностью.

Весь этот случайный скептицизм моментально исчез и сменился искренним уважением к Сталину после его смерти. Хорошо помню те небывало теплые для Сибири первые дни марта 1953 года. Многочасовое стояние на траурном митинге. Мое школьное сочинение по поводу смерти Вождя было признано лучшим среди восьмых классов.

Не думаю, что уже подведена черта под нашими общими и частными отношениями с И.В. Сталиным. Влияние этой зловещей фигуры на жизнь страны еще далеко не исчезло. Но определенно лучше, безопаснее изучать и давать оценки его деятельности, чем жить с ним в одно время. Я прожил в сталинское время пятнадцать лет, но тогда опасности этой не чувствовал, искренне считал себя счастливым и даже по-детски любил Иосифа Виссарионовича.

Я ведь и понятия не имел, что он уничтожал людей. Что мой дед был им расстрелян. Никто об этом не говорил.

Удивительно другое. Мир моего детства, создаваемый моими родителями, не был ограничен семьей и улицей. Но тем

не менее окружавшие меня убогость, нищета не то чтобы не замечались, а как-то естественно входили в общий круг жизни. И детские сопереживания несчастьям, случайным смертям, бездомным и голодным, по большому счету, не делали мою жизнь менее счастливой.

В нашей детской было два окна. Одно на восток. Из него были видны стайки², углярки, кучи навоза, огороды. Не знаю, что прекрасного в этом перечне, но вид был изумительный. Дальше в полукилометре была железная дорога. За ней невысокие, летом красно-рыжие сопки с пунктирами обвалов по траверсам горных выработок. Над ними небо, удивительно часто меняющее свой цвет.

Второе окно вместе с дверью на широкий деревянный балкон выходило на юг. На юге был двор с погребями, волейбольной площадкой, турником и березами. А дальше соседний, такой же, как наш, трехэтажный кирпичный дом. Таких замечательных, крытых красной черепицей жилых домов с собственными котельными в городе было всего четыре. Это были новые дома – ровесники социализма. Тогда все было новым. И город, который обидно и несправедливо назывался Киселевском, состоявший из шахт и барачных поселков, заносимый сугробами зимой и утопающий в осенней непролазной грязи, тоже был новым. Мы любили его, радовались новостройкам, гордились успехами земляков-шахтеров.

² Стайка – так в Сибири назывались сделанные из теса стойла для коров.

Каждый день начинался веселой какофонией звуков. Гудки паровозов, гул поездов, крики петухов, мычание коров, отправляемых в стадо, бодрое пение из репродуктора... Почему-то не могу вспомнить пасмурной погоды. Как будто в детстве всегда было солнце. Помню дожди, но и они были «слепые», веселые. Все было прекрасно и пронизано солнцем. Весна и первые ручьи, смывающие накопившуюся за зиму угольную пыль. Голубые лужи и антрацитовая грязь. Скворечники и первая листва. Яркие солнечные головки одуванчиков на южном склоне железнодорожной насыпи, где мы любили сидеть за щитами, наблюдая, как очередной состав ритмично раскатывал своими колесами подложенный на рельсы пятак.

Лето – это велосипед. Это непрерывные футбольные битвы в пыли и жаре. Это прохлада подъезда или, еще лучше, погреба, в котором утоляешь жажду молоком из глиняной кринки.

Это пионерские отряды, костры и «падэспань» под баян на веранде, полной комаров, пота и трепетного общения. Это земляничные знойные поляны на загородных сопках, пронизанные звоном кузнечиков и тонким-тонким неповторимым ароматом перезревших ягод. А наша чудесная, чистейшая и тишайшая речка Чумыш, петляющая в высоких берегах по лесам и полям неведомо куда... Нет теперь таких речек...

К концу лета на американских «студебеккерах», «фордах» или на наших трехтонках привозили душистое сено.

Забивали им сеновалы, ставили стога. Осенью все вместе копали картошку, молотили просо, гречку.

Зима – ожидание чуда под новогодней елкой и постоянное бесценное счастье игр короткими морозными днями. Походы на лыжах не вызывали у меня энтузиазма. Другое дело – коньки. Их приклепывали к ботинкам, точили на самодельных станках. Ключки для русского хоккея делали сами. Заготавливали летом березовые крюки или, кто посмелее, разживались дугой с шахтовых конных дворов. Крюк протрагивали, оборачивали изолентой или резиной и оплетали тонким сыромятным ремнем. Для ручек использовали толстые прямые ветки черемухи или акации. Они прекрасно пружинили. Такой клюшкой хорошо получался удар «хлюпом».

Мы жили совсем рядом с единственным в городе стадионом «Шахтер». Его каток, всегда открытый для детей, был нашим вторым домом. Порезанный после хоккейных баталий лед не ленился к вечеру залить. Зажигали прожектора, включали музыку, и каток снова заполняла уже более прекрасная публика. Все вместе и каждый в отдельности, подчиненные тайному, одному льду известному закону, творили чудо, называемое вечерний каток. Если ты был обладателем редких в начале 50-х годов коньков, которые назывались «канады», ты мог бешено мчаться против общей круговерти, лавируя как слаломист, вызывая счастливый визг той, внимание которой эта опасная глупость и представлялась.

Когда началась война, я не заметил. Я этого не помню. Помню, что война была. Помню, как она закончилась в мае сорок пятого на солнечном, красном от флагов городском стадионе ликованием множества людей. И я в этом участвовал, восседая на отцовских плечах. Пишу только о том, что помню. Я был еще мал и рос вместе с войной, переживал вместе со всеми, ненавидел фашистов и Гитлера, старался не отставать от дворового мальчишеского братства. Мы изготавливали оружие. Как настоящее. Даже пулеметы с трещотками. Рыли за огородами окопы, блиндажи, подземные ходы. Мы серьезно играли в войну, каждый раз побеждая фашистов.

Собирали и менялись редкими в первое время почтовыми марками. Выше всего ценились марки о фронте, о героях. Постепенно их становилось все больше и больше. А. Матросов, Н. Гастелло, В. Талалихин... Число наших кумиров росло. Все хотели быть летчиками. Мы, мелюзга, страшно завидовали тем, кто, закончив седьмой класс, шел не в ФЗО, а уезжал в загадочный Фрунзе поступать в летное училище. Нам же ничего не оставалось, как подрастать.

Появились эвакуированные. В нашу квартиру подселили симпатичную пожилую супружескую пару эстонцев. Приехали тети из Подмосковья с маленькими дочками. Десять человек жили в двух комнатах. Но тесноты я не запомнил.

Вместе с новыми незнакомыми словами: «бандеровцы», «спецпоселок», «власовцы» – пришли и другие поселенцы,

жившие по окраинам за колючей проволокой.

Не могу отфиксировать, когда и как оказались в городе немцы Поволжья. Их было много, и такое впечатление, что они были всегда. Мальчишеским кумиром стал вратарь сборной города по футболу, которого звали Карл. Он был из немцев Поволжья и, наверное, до войны играл в серьезных командах.

Появились пленные немцы. Вначале их водили на работу колоннами под охраной с собаками. Позже некоторых из них расконвоировали.

Прекрасно, как сейчас, помню: бабушка открывает дверь, в светлом проеме высокая, серая, в длинных одеждах, в характерной шапочке с козырьком, совсем не страшная, скорее жалкая, фигура. Бабушка идет на кухню. Фигура стоит и бесцветными глазами смотрит на меня. Это худой мужчина. Я смотрю на него. Бабушка возвращается. Происходит обмен, и у меня оказывается сделанный из тонких досочек маленький грузовичок на деревянных колесиках. Дверь опять закрывается на крючок. Бабушка говорит: «Это немец. Какой ужас...»

Абрам, немец из военнопленных, жил и работал в нашем дворе, выполняя любую работу за копейки. Потом он ушел на шахту. Женился. Построил дом в Вахрушевском поселке. И таких было немало.

Через дорогу от нашего дома была больница. Ее называли «белой» по цвету стен. Во время войны там был госпиталь.

В нем работала хирургом моя мама. Девичья часть двора ходила ухаживать за ранеными, устраивала время от времени концерты. Мальчики толпились у дверей.

Осталось ощущение напряженного ожидания, с которым слушали сводки, извергаемые черным бумажным кругом репродуктора. Помню, как все кричали, радовались и бежали в соседнюю комнату, где всю стену занимала карта европейской части СССР. «Киев! Наши взяли Киев!!» И я со всеми разглядывал на зеленой карте этот загадочный Киев, отмеченный кружочком в красной звездочке.

Детским потрясением, запомнившимся на всю жизнь, явилось для меня возвращение с войны солдата. Это был сын живших на третьем этаже Патрушевых. Он пришел на костылях, без ноги и потом все время сидел на балконе, грустно смотрел на нас. Была весна 1946 года... Я закончил первый класс с похвальной грамотой. А это значит – родители были обязаны выполнить мое желание. Конечно, другого желания, кроме как иметь футбольный мяч, в то время у меня не могло быть. Это была трудная задача. Мячи не продавались. Где его взять? Не знаю, как это произошло, но мама купила футбольный мяч у мамы Патрушева. «Сыну он все равно теперь не нужен...» – сказала та.

Настоящий довоенный футбольный мяч. Его разбили во дворе за неделю. А потом все лето зашивали, клеили камеру.

Патрушев осенью поступил в нашу школу, в десятый класс. В свое время война не дала ему доучиться.

Сейчас трудно в полной мере разделить воспоминания раннего детства времен войны с информацией, полученной позже из рассказов вернувшихся с фронта родных. Помню, по крайней мере, одно письмо. Солдатский треугольник, полученный от мужа жившей у нас с маленькой дочкой тети Мили, сестры отца. Письмо Дмитрия Алексеевича Шигина было полно любви, юмора, бодрых описаний солдатского быта, иллюстрированных рисунками. Я гордился дядей Димой и мамиными братьями: Николаем, Владимиром, Василием, Константином Куликовыми, воевавшими еще с Финской войны. Николай Афанасьевич Куликов погиб на фронте. Трем другим повезло больше. Они были зенитчиками на разных фронтах. Написали письмо К.Е. Ворошилову, чтобы свели их в одну батарею. Просьбу удовлетворили. Вместе отвоевали всю войну, вынесли от начала до конца блокаду Ленинграда.

Уже в более старшем возрасте я очень любил встречаться с моими дядями-фронтовиками. Их жизнелюбию, юмору, рассказам не было конца.

– Дядя Володя, как ты медаль «За отвагу» получил?

– Да чего тут рассказывать. Как все.

– А как? За что?

– Да ни за что. Как только стрелять перестанут, командир появляется в окопах, а за ним старшина мешок с медалями тащит. Как-то раз остановился около меня и говорит: «Награждаю вас, товарищ боец...» Старшина руку в ме-

шок засунул, вытаскивает орден Красной Звезды. Заминка вышла... Командир ему кулаком грозит. «Не то ты, – говорит, – вытащил». Старшина снова в мешок. Вытаскивает эту медаль. Ну, командир мне ее и вручил. «Служу Советскому Союзу», – говорю. Как обычно. А ты как думал?

Моя школьная жизнь началась с окончанием войны.

Бабушка была учительницей и, уж конечно, своего любимого внука подготовила к школе должным образом. Делать мне, честно говоря, в первых классах было нечего, но в школу идти надо. Хорошо помню, как на меня с трудом натянули страшно за это нелюбимый голубой американский свитер, и мы пошли поступать в школу. Там оказалось совершенно неинтересно. Было чисто, пусто, гулко. Пахло свежей краской и мочой. Какие-то тети о чем-то посмеялись с бабушкой, и все. «Приняли», – сказала бабушка, когда мы опять вышли на свежий воздух.

Первый урок. Учительница добрая и седая. Руфина Васильевна. Бабушка сказала, чтобы я показал учительнице тетрадки со своим письмом. Это были очень хорошие, оставшиеся еще с дореволюционного времени тетрадки из лощеной бумаги, с полями, исписанные мной дома. Руфина Васильевна подходила к каждому ученику. Я сижу на последней парте со своими тетрадками, жду, чтобы выполнить бабушкино поручение. И вот добрая рука на моей стриженной под машинку голове. Я что-то лепечу... «Можно, – говорит

Руфина Васильевна, – можно писать и на этой тетрадке. Вот здесь, между строчек...»

Она не поняла меня! Это меня поразило, почему я и запомнил. Чуть позже я узнал, что некоторые ребята первое время писали на тетрадках, сделанных из старых газет. Страшная нищета и бедность были всюду.

На большой перемене нам давали кусочек хлеба и маленький, свернутый из газеты кулек с желтым сахарным песком. Измученная войной страна, как могла, заботилась о своих детях.

У нас была мужская школа. МСШ № 1. Учиться было легко, не буду на эту тему распространяться. Я любил литературу, историю, физику, астрономию, но больше всего – игровые виды спорта.

В то время массовая физкультура и спорт еще многое значили в народной жизни. Большой популярностью пользовались регулярно разыгрываемые первенства города по футболу, русскому хоккею, волейболу, настольному теннису, штанге. Давайте вспомним, что Рудольф Плюкфельдер шагнул в чемпионы мира из клуба Киселевской шахты 4–6.

Команда МСШ № 1, составленная из старшеклассников, допускалась к соревнованиям на первенство города. И я горжусь, что играл вратарем в футбол и нападающим в русский хоккей.

Но больше всего я горжусь тем, что мой старший внук Вадик – кандидат в мастера спорта по футболу и член юноше-

ской сборной России. Он профессионально занимается футболом. Оказывается, это не только радость, но и тяжелая работа. А какими шикарными мячами сейчас играют даже маленькие «детсадовские» мальчишки! В нашем детстве это невозможно было представить.

Кроме того, я посещал кружок ИЗО (рисования) и выставлся на художественных выставках. Активно участвовал в оформлении школьной стенной газеты «Оса». Хорошая была газета. Выходила она под строгим патронажем директора школы, очень яркой, сухой, с хриплым прокуренным голосом женщины, которую почему-то, надеюсь, не из-за газеты, обвинили в безродном космополитизме, и она исчезла, забрав с собой на память номера «Осы» за многие годы своего директорства.

Номер газеты не мог быть меньше четырех листов ватмана. И был событием в школьной жизни. Иногда за карикатуры меня грозились побить. Но ни разу не били. Или не решались, или добрые тогда были юноши. А может быть, школа была хорошая, с детства прививала азы демократизма и понимания того, что ныне стало широко распространенным: лучшая защита от любой критики – ее игнорирование.

У каждого пруд пруди воспоминаний детства. И это правда. Я тону в этом «пруду». Хаотическое нагромождение все новых и новых воспоминаний захлестывает меня. Очень о многом, о чем вспомнил, я просто не смогу написать. А как

отобрать, что важно, а что нет? Нет ничего важного, как нет ничего, что стоило бы забыть.

Можно целую симфонию написать о том чуде, которым в детстве был патефон. А как мы сажали тополя и ухаживали за ними... Можно ли забыть первое в жизни знакомство с яблоками, с огромными, алма-атинскими, которым я обязан был своей очередной болезнью. Кажется, это был всего лишь брюшной тиф.

А как тогда читались книги! «Война и мир» проглатывалась за несколько дней. А ночи напролет за фотоувеличителем! Или как мы ловили первыми радиоприемниками репортажи В. Синявского. О замечательных ребятах нашего двора и о подвижниках – школьных учителях ничего не сказал...

А каким чудесным событием была укладка первого асфальта! Как я трусил прыгать с парашютной вышки. Нельзя не вспомнить первомайские демонстрации. Я знаменосец дружины в белой рубашке, красном галстуке. Меня бьет нервная дрожь от гордости и счастья, а в голове гудит что-то собственного сочинения вроде: «Красным флагом в порыве ветра май врывается в нашу жизнь...»

А первый полет планера, собственноручно изготовленного из бамбука и папиросной бумаги? Улететь можно очень далеко и не вернуться. Надо кончать...

Напоследок – самое яркое впечатление детства. Летом 1947 года мы с мамой и сестрой Ириной поехали в Москву,

столицу нашей Родины.

Наша любимая, уютная, засыпанная углем и шлаком, заросшая кленами и акациями станция «АКЧУРЛА Зап. Сиб. ЖД». Подошел и встал на две минуты поезд из зеленых вагонов. Первая ступенька лестницы в вагон была очень высоко. Но даже если бы она была под крышей, мы бы все равно со своими в тряпочных чехлах чемоданами, авоськами и бидоном моментально вскарабкались в вагон. Тем более что папа подсаживал маму и Иру.

Вагон был общий. Мама повесила между нашими полками и проходом белую простынку и гордо сказала незнакомое слово: «Ку-п-п-пе!»

Ехали семь дней, не отходя от окна. Жизнь вдоль дороги была интереснее любого кино. Это был другой мир, хоть и очень похожий на наш Киселевский. Другая жизнь, о которой я знал, слышал, читал, но видел первый раз. Широкие реки, горы, железные мосты, большие города, вокзалы, затерянные полустанки, озера, степи и люди, люди, люди... А как мы проезжали Урал! Как радовались, что не проспали обелиск на границе между Азией и Европой! А Казанский кремль и Волга в оранжевом освещении заходящего солнца! Все это было безумно интересно и прекрасно. Но все равно над всем довлело ожидание ни с чем не сравнимого счастья. Ожидание Москвы.

С огромной скоростью мимо проносились мостики над небольшими речушками, рощи из высоченных, прямых, как

карандаши, сосен, бетонные платформы, деревянные домики, обитатели которых, занятые своими делами, почти не обращали внимания на наш поезд. Разве что изредка кто-нибудь помашет в ответ тебе рукой. Они казались мне загадочными, счастливейшими существами. А Москвы все не было и не было...

И вдруг... Нет. У меня нет слов. Москва появилась неожиданно, сразу и очень быстро. А потом начала плавно и медленно раскручивать до горизонта невиданные громады заводов, домов, колоколен, перспективы дорог и улиц... Заиграла музыка, поезд стал замедлять ход, и мы въехали на забитый веселой толпой перрон, крытый полукруглой крышей на узорчатых чугунных столбах...

Нет. Все это не так и не то. Главное, неповторимое чувство радости, волнения и гордости, какого-то душевного трепета. Москва! Какое счастье, мы в Москве, любимой Москве! Наверное, это и есть патриотизм. Хотя теперь этим словом называется что-то совсем другое.

В последующие годы, приезжая в Москву, я не раз испытывал нечто подобное, но, к сожалению, постепенно острота ощущений исчезла. Праздник пропал, все стало буднично и серо. Но тогда, в 1947 году, праздник только начинался. Весь этот калейдоскоп событий, а главное, те по-настоящему высокие чувства в мальчишеском сердце старому бюрократу ни испытать, ни передать невозможно.

Мама прекрасно знала Москву. И мы с площади трех вок-

залов, как мне казалось запруженной людьми и автомобилями, по эскалатору нырнули в метро. Метро – это чудо из чудес.

Красная площадь, Третьяковка, Исторический музей, зоопарк, слоны, тигры, обезьяны, мороженое, газированная вода, трамвай, магазины, фонари... и так далее и тому подобное. И все это было впервые, все было грандиозно.

Поражали и более простые, чем газированная вода, вещи. Вечер. Улица Горького. Прошел дождик, и красные фонарики стоп-сигналов машин, отражаясь в мокром асфальте, как в перевернутом небе, куда-то бегут и бегут и не могут убежать. Сотни красных огней... Это была Москва.

Москва отмечала свое 800-летие. Я это помню, но каких-то особенностей, отличий от обычных лет, конечно, не мог заметить. Не заметил и шрамов войны. Сувенир – круглая, из розовой пластмассы коробочка с изображением памятника Юрию Долгорукому – долгие годы стояла на маминном комоде, напоминая о прекрасном московском лете 1947 года.

Глава 3

Художник А. Куликов

*Художник принадлежит своему времени, он
живет его нравами, привычками...*

Г.В.Ф. Гегель

В маленьком русском городке Малоярославце на тихой, утопающей в садах и сиреневых палисадниках улице есть старый дом. Это родительский дом моей мамы. Там жили ее отец Афанасий Ефремович Куликов и мать – Ксения Трифонова.

Мой дед Афанасий Куликов был и остается самым знаменитым из всех родственников. Он был художником. Правда, знаменитым, то есть в какой-то мере известным в стране, он стал через много лет после того, как умер. Вспомнили о художнике Афанасии Куликове в конце 70-х годов, когда вдруг вернулась мода на русский лубок советской революционной тематики. Когда теоретикам искусства на какое-то время понадобились иллюстрации и подтверждения к известной формуле: «Искусство должно быть народным, национальным по форме и социалистическим по содержанию». Тогда прошли выставки, низвергся и затих водопад хвалебных статей, подгоняющих творчество художника под стандарты «социалистического реализма». Писали все. Даже орган ЦК КПСС га-

зета «Правда». Ее похвала для того времени была высшим признанием.

Практически все авторы варьировали одну и ту же тему. «...В синтезе классических и народных традиций, переработанных художническим талантом, и берет свое начало русский советский лубок, возрожденный к новой жизни Афанашием Куликовым...» Я прекрасно понимаю всю идеологическую обусловленность и официозную заданность этой оценки, но тем не менее какая-то правда во всем этом есть. Избитый штамп «вышел из народа» художнику Куликову просто не подходит. Он никуда из народа не выходил. Как родился, так до смерти своей жил и творил в народе, среди земляков своего любимого провинциального Малоярославца. Народное искусство от лубочной детской картинки, вышивки на полотенце или старинной иконы – та среда, в которой он прожил свою жизнь. Таким образом, истинная правда – традиции народного русского искусства были ему прекрасно известны и, я бы добавил, им любимы. Правда и то, что он очень серьезно и скрупулезно изучал наследие великих старых мастеров, художников классической реалистической традиции.

Творчество А. Куликова было многогранно. Призванием была живопись. Пейзаж, портрет, натюрморт, тщательная, дотошная работа над классической жанровой картиной на любимые темы истории России.

А что же лубок? Мои дяди, его сыновья – художники, го-

ворили мне, что и лубок он любил. По крайней мере, относился к нему не менее серьезно, чем к живописи. Что это такое – лубок? Думаю, не каждому писателю, не говоря уж о читателях, точно известно значение этого слова. В таких затруднительных для меня случаях беру с полки солидный том изданного в начале нашего века «Энциклопедического словаря» Ф. Павленкова. Чудесная книга. На ее титульном листе надпись, выполненная каллиграфическим почерком, выцветшая от времени: «Эту книгу я дарю на память другу моему Александру от Прокопия. 1911 г. Апреля 10-го дня. С. Тисуль». Обращаю внимание читателя на эту отметину давно прошедших дней и ушедших людей для того, чтобы почувствовать связь времен, которая иногда неожиданно остро и зримо проявляется в таких мелочах, как надпись на книге. Герои нашей первой главы не бесследно канули в вечность. Малая толика их чувств, отношений, любви, их жизни, материализованная в том числе и в этой книге, дошла до нас. И даже помогает в разных жизненных ситуациях. Из этой старой книги, подаренной деду в день его двадцатишестилетия, его внук узнает, что лубок – это «лубочные картины, аляповато исполненные картины для простонародья, получившие свое название от того, что первоначально вырезывались для них клише (печатные формы) на лубе, то есть на деревянных досках. В России появились в XVI веке».

А. Куликов был настоящий художник, с хорошим вкусом. Его лубки, наверное, нельзя назвать аляповатыми. Они бы-

ли просты, лаконичны, доходчивы. И занялся он вплотную лубком в 20—30-х годах не потому, что хотел сказать что-то новое в технике этой графики. А потому, что надо было кормить большую семью. Семеро детей мал мала меньше да племянники, постоянно жившие в построенном им доме.

Советская власть мало заказывала ему живописных полотен. Не могло тогда быть и частных покупателей. Политически выдержанная в революционном рабоче-крестьянском духе и стиле дешевая лубочная картинка с броским стишком на злобу дня – вот что было надо многочисленным политотделам контор и учреждений советской власти. И Афанасий Куликов, не разгибая спины, не жалея глаз, трудился над плакатами, открытками, стенками для календарей, книжками и другими формами агитационного искусства. Поскольку он был профессионально честен, даже работая для заработка, не халтурил. Многие его лубки поражают знатоков мастерством, отточенностью и исключительной верностью традициям русской лубочной книги. За эту трудоемкую, требующую большого терпения работу художник получал жалкие гроши. Но у него не было выбора, и в то тяжелое время это спасало семью.

Вот, собственно, и весь секрет возрождения русского лубка, о котором вдруг вспомнили в более сытые годы развитого социализма.

Художник – пленник своего времени. И если он яркими народными картинками прославляет электрификацию, кол-

лективизацию или праздник Восьмое марта, совсем не значит, что это как раз те заветные темы, к которым он долго шел в своих творческих исканиях. Не думаю, что дед плохо относился к электрификации. Скорее, даже очень хорошо. Но то, что было истинным выражением его души, общественного или, точнее, государственного спроса не находило. Прекрасные пейзажи окрестностей Малоярославца, портреты родных людей, ностальгические картины, отображающие уходящий, разрушаемый коллективизацией патриархальный быт русской деревни... Все это годами складывалось за большой занавес из серого холста к торцевой стенке его небольшой мастерской.

Дед был глубоко русским человеком по своему воспитанию и мировоззрению. Психология русского крестьянина не исключает веселья, удали, даже хулиганства, но мне кажется, в основе своей она степенна, неспешна и консервативна, то есть противна всякому революционному модернизму, любому декадентскому умничанью. А. Куликов был до мозга костей художником-реалистом, художником-классиком. Он писал заказные картины на советские, особенно военные темы. Но, строго говоря, он не был советским художником. Как не был и антисоветским. Он просто тихо жил в свое время. Жил вместе с народом, сопереживая несчастьям и радуясь удачам, пытаясь, не мудрствуя, точно отражать жизнь и время своей кистью.

Я не раз имел основания сетовать на нашу российскую

беспечность к сохранению семейных хроник. В отношении Афанасия Ефремовича этого не скажешь. Он сам написал свою биографию. Позже писали о нем. Но главное, остались его картины. Время и какой-то злой рок развеяли их по стране. Но все равно они могут о многом рассказать. Они запечатлели прошедшие годы, настроения, лица давно живших людей, мгновения вечной природы. Я люблю смотреть на работы своего деда Афанасия Куликова и часто это делаю. Мне кажется, я понимаю и разделяю чувства, которые владели им в минуты творчества. Картины много могут рассказать о жизни художника, но пусть он о себе расскажет сам. Несколько коротких выдержек из его автобиографии. Должен честно сказать, что не уверен в абсолютной подлинности текста. Рукописи в годы немецкой оккупации Малоярославца закапывались в землю и были сильно испорчены. Восстановлены они уже после смерти художника его другом Иваном Макаровичем Касимовым. Наверное, не удалось избежать додумывания и некоторых конъюнктурных дополнений в нужном для советского издателя духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.